

Annotation

Сказочные истории происходят всегда, а не только под Новый год. Но под Новый год в них верится как-то сильнее.

Положи себя под елку

— Твою ж....дивизию!!! — Я стояла в парадной (по-другому язык не повернется сказать) одного из самых элитных домов города, и смотрела на прозрачный лифт. — Вот, сволочи!!!

Конечно, все бы ничего, но я и так жутко боялась высоты и лифтов, а тут эта гадина оказалась еще и прозрачной. Конечно, переться из-за своей фобии на 25 этаж пешком я не собиралась, хотя бы потому, что мне, курьеру, сегодня и так пришлось изрядно помотаться по городу. Перед предстоящими новогодними праздниками все компании города видимо решили оторваться «по самое не хочу» именно на нашей курьерской службе. В итоге сегодня, с утра этой «долбаной пятницы», я носилась по городу, забирая из офисов и разнося по адресатам кучу документов. И вот он, апогей всего сегодняшнего дня, прозрачный страшный лифт.

Не давая времени себе подумать, я шагнула в лифт и нажала нужную кнопку. Двери быстро закрылись. Я закрыла глаза, дабы не поддаться растущей в груди панике. Тут же в голову закралась мысль, что природа меня все-таки щедро одарила таким маленьким ростом, 155 сантиметров, исключительно ради отсутствия паники при ходьбе. А если учесть любовь к удобной обуви без каблука, то мои страхи просыпались достаточно редко.

— Нужно было все-таки пообедать, — пронеслось в голове, когда я почувствовала болезненные спазмы в животе. И тут, наконец, створки страшного монстра раскрылись и, поплохевшего вида я, выпала в пустой коридор. Не дав себе отдышаться, и желая поскорее закончить работу, мое тело рвануло к одной единственной двери на этаже и нажало кнопку звонка.

Вот тут то мир и поплыл. «Ох, ты черт, ежики зеленые» — пронеслось в сознании, прежде чем это самое сознание смылось от меня, не собрав даже чемоданов.

— Только этого мне еще не хватало! — проорал где-то над левым ухом мужской голос. «Ух, с таким голосом ему бы в сексе по телефону работать».

— Где работать? — проворковал хрипловатый голос над моим ухом... «я что, это вслух сказала??» — Вслух, — подтвердил голос.

Я медленно открыла один глаз. И тут же, взвизгнув, подпрыгнула на месте, ударив при этом макушкой по подбородку обладателя мужского голоса, так как столкнулась с ним практически нос к носу в буквальном смысле.

— Твою ж...!!! — взревел мужчина, отскакивая от меня, и давая возможность себя рассмотреть. А посмотреть было на что: высокий брюнет лет тридцати, с тяжелой квадратной челюстью, с серо-зелеными глазами в поллица (не уверена, что они всегда такие), в темно-сером костюме, явно сшитом на заказ.

— Чего это вы так орете? — я прикрыла глаза ладошкой. — У меня в сумке успокоительное есть, по-моему, на ваш рост хватит пяти капель.

Я отвела ладонь от глаз и посмотрела на объект с максимальной ехидностью, на которую сейчас была способна. Объект смотрел на меня как на дуру!

— Ты кто вообще? — Н-да, мужик явно от меня не в восторге, — ты как на этаж попала?

Тут я сообразила, что лежу в незнакомой комнате, на диване. Куртка на мне

расстегнута, сумка с документами лежит рядом.

— Я, Захарова Елена, и если мне сейчас не дать чего-нибудь сладкого, я второй раз вырублюсь минуты через три. — Я задумчиво уставилась в потолок с какой-то хитрой лепниной, — нет, наверное, даже через две.

Мужик, пробормотав что-то, про «идиоток несчастных» ломанулся из комнаты.

Я пока решила осмотреться. Комната была явно гостиной. Кроме дивана, где лежала я, стояли два кожаных кресла, небольшой столик между ними, на котором стоял ноутбук. Я приподнялась на локтях, чтобы посмотреть, что за спинкой дивана, и тут же ухнула вниз и скатилась с дивана на пол. За диваном находилось панорамное окно с видом на город с двадцать пятого этажа. Меня затрясло и резко затошнило.

Тут к моему рту прижалась горячая чашка. Я сделала глоток. Ммм, сладкий чай слегка отдавал коньяком. Полегчало сразу. Тут у меня отобрали чашку, рывком за подмышки подняли с пола и посадили на диван.

— А теперь, Елена Захарова, ты мне расскажешь, чего тебе здесь надо. — Черт, голос приятный, вот только раздраженный немного! Блин, Ленка, нашла время думать о мужиках!!!

— Я из курьерской службы. Вы, я так понимаю, Коробов Вадим Дмитриевич, — дождавшись снисходительного кивка, я продолжила, — Я доставила вам документы из офиса «Дорстроя», вам нужно расписаться вот здесь, — я показала нужную графу. Вадим Дмитриевич послушно расписался в указанной графе. — Вот ваши документы.

Мужчина взял в руки папку и с прищуром посмотрел на меня, явно оценивая. Я и без него понимала, как выгляжу: зеленая после обморока, тугой пучок рыжих волос растрепан, куртку я уже сняла, а на блузке расстегнуты верхние пуговицы, так что грудь третьего размера уже непросто угадывалась, а откровенно выглядывала, талия, слава богу, тоненькая, а вот бедра в джинсах смотрелись великовато. Но кому не нравится, пусть не смотрят.

А этот смотрел!

— Вы маньяк? — вопрос выскочил из меня быстрее, чем я успела захлопнуть рот. Его же рот расплылся в недоброй усмешке.

— С чего это?

— Только маньяк будет на страшненькой уставшей курьерше без сознания, расстегивать пуговицы, — выдала я свое логическое заключение.

«Маньяк» даже растерялся.

— Так то, еще в школе учат, что при обмороке нужно облегчит дыхание, — продолжить Вадим не успел, так как хлопнула входная дверь, и визгливый женский голос спросил.

— Вадииимчиик! Лапочка, ты дома?

Мужчина, напрягшись, выругался и вышел из комнаты.

— Лесь, чего тебе здесь нужно? — послышался голос Вадима. — Я же просил отдать мне ключи и больше не появляться!

— Ну, милый, я соскучилась! — в голосе Леси послышались жеманные нотки.

— Я сказал нет!

Тут я, сдуру, решила, что надо мужику помочь. Расстегнула еще пару пуговиц на блузке, распустила волосы, которые тут же упали рыжей копной до пояса, и, пошатываясь, направилась к парочке.

Вадим Дмитриевич раздражённо и устало смотрел на свою, видимо уже бывшую, пассию. Я рискнула:

— Дорогой, что тут происходит? — максимально холодным голосом спросила я и, снисходительно-холодным взглядом, вперилась в перегидроленную высокую барби с явно силиконовой грудью. Я устала, мне было паршиво, я есть хотела, и блин, уже восемь вечера, а я только чая глотнула. Так что желание выместить на ком-то злость определено было. И то, что барби смотрит на меня сейчас с открытым ртом и полными злости глазами, мне определено нравилось.

«Дорогой» медленно повернулся ко мне и так же замер, глядя определено ниже подбородка. Я же лучезарно улыбнулась:

— Вадим, кто эта крыса? — наманикюренный палец блондинки ткнул в мою сторону.

— Сама ты крыса облезлая, — я действительно искренне возмутилась, — ты себя то давно в зеркале видела, жертва силикона! — Я хотела еще добавить эпитетов, но тут очнулся наш «предмет спора»:

— Солнышко, не злись. — Вадим направился ко мне. — Это недоразумение сейчас уйдет, — хрипловатый голос уже оказался у моего уха, а я в крепких объятиях владельца квартиры. Его губы мазнули по шее и быстро накрыли мои. О да! Пятнадцать секунд кайфа прервал визгливый голос:

— Это я недоразумение? Полтора года недоразумение? — Вадим нехотя отстранился от меня и повернулся к разъяренной блонди.

— За это время ты достаточно выкачала из меня бабла, чтоб покрыть все свои расходы на ближайшие пять лет. А теперь оставь ключи и закрой дверь с другой стороны. Мне есть чем заняться со своей невестой и без тебя. — Ух ты, от холодного голоса даже у меня побежали мурашки.

Барби громко взвизгнула и, швырнув ключи на пол, громко хлопнула дверь.

— Вот сучка!!! — выдохнула я, глядя на дверь. — Вы как с ней полтора года жили то? Это ж умудриться надо.

Вадим медленно, будто нехотя, разлепил объятия и на шаг отступил от меня.

— Я с ней не жил, я с ней спал. Спасибо, Лен. — Н-да, голос-то слегка хрипловат. — Думаю после случившегося можно уже переходить на ты.

— Да после случившегося ты обязан на мне жениться, — выпалила я, прежде чем подумать, потом тихо застонала, вспомнив слово «невеста», закрыла глаза и медленно сползла по косяку вниз, на пол.

Сероглазый сразу кинулся ко мне:

— Опять плохо?

Я не разлепляя глаз медленно кивнула. И тут же оказалась на руках, которые потащили меня уже на знакомый диван.

— Я сейчас чего-нибудь принесу. — Вадим тут же убежал из гостиной.

Я же немедленно стала обдумывать ситуацию. Итак, я, обычная курьерша, ввалилась в квартиру владельца одного из крупнейших холдингов области (и по совместительству самого завидного жениха города), выпросила сладкий чай, нахамила его девушке (благодаря мне, бывшей), целовалась с ним (о, да), а теперь он побежал на кухню, искать мне еду. Да уж, сегодняшний день явно удался. Я, конечно, часто попадаю во всякие нелепые ситуации, вспомнить хотя бы доставку налоговых документов в мужской стрип клуб и попытку всучить их одному из танцоров прямо на сцене. Но сегодня явный перебор. Я с надеждой посмотрела в потолок. Но ничего нового там уже не увидела. Стараясь не думать о последствиях, я вскочила на ноги (и откуда только силы взялись), схватила куртку и сумку и выскочила из

квартиры, которая, судя по всему, занимала весь этаж. С отвращением посмотрев на лифт, я кинулась к лестницам, благо дверь была открыта.

Уф, давно я так не бегала, хорошо, что бежать пришлось вниз. Добежав до парадной, я не заметила недоуменный взгляд охранника, и, только выскочив на улицу, поняла, что куртку до сих пор держу в руках, а блузка до сих пор неприлично расстегнута.

Я, натягивая на ходу куртку, что есть силы, побежала к своему маленькому служебному «матизику». И облегченно выдохнула уже в салоне. Привычно подумала, что завтра же уволюсь и завела мотор.

Все выходные я отсыпалась. До нового года оставалось еще десять дней, шесть из которых рабочие. Увольняться я уже передумала. Нужно все-таки трезво оценивать ситуацию. Учусь я заочно, правда из учебы осталась только защита диплома, все остальное уже сдано досрочно. Платить за съемную малосемейку, все-таки, чем-то надо. На нормальную работу до получения диплома не возьмут, так что нечего выеживаться. Выхода то все равно нет. Придется терпеть.

Правда есть еще проблема. Коробов Вадим Дмитриевич. Владелец заводов-газет-пароходов. Ох, надеюсь, что у него жестокая амнезия и частые провалы в памяти, иначе меня не просто уволят, а даже уборщицей работать в европейской части России никто не возьмет. Может найти номер, позвонить и извиниться за поведение? Ага, как же. Где я номер то его найду. Ох, ладно. Может, обойдется.

В понедельник, как обычно проснулась от звонка будильника. Раскопав глазки, я медленно побрела в ванную, затем быстренько оделась, позавтракала бутербродом с чаем и поехала на работу.

Уже на первом светофоре я поняла, что хорошо сегодня не будет. Предновогодние пробки были просто адские. Благо, что ехать до офиса мне нужно было всего два квартала. Еле припарковав свой любимый матизик на нерасчищенной парковке, я быстрым шагом направилась в «Лучшую курьерскую службу». Катюха, наш администратор, уже во всю выдавала задания нашим «ангелочкам», одним из лучших курьеров, близнецам Ване и Грише. Светловолосым, красивым и... одинаковым.

— О, Леноч, — Катюха меня по другому и не называла, — Олег Васильевич тебя ждет к себе.

«Ну вот, прощай новогодняя премия и, скорее всего, работа». Парни сочувственно посмотрели на меня:

— Не переживай, Леночка, — Ваня сочувственно смотрел на девушку. — Я тебя потом в кино свожу. — Ангелочек мило улыбнулся. Ваню с Гришей не путала только я. И только по тому, что Ванюша уже год пытался за мной ухаживать.

«И чего тебе только, девка, надо то», вспомнила я мамины слова. Приключений на одно место, видимо. Я улыбнулась Ване и посмотрела на дверь шефа.

Ладно, зубы стиснула, грудь вперед, попу назад, живот втянула и пошла...

— Олег Васильевич, желали видеть, — пропела я, вваливаясь в кабинет. И тут же застыла.

В кабинете, помимо моего шефа, в кресле ко мне спиной сидел мужчина с довольно знакомым затылком.

Олег Васильевич тут же вскочил:

— Здравствуй, Леночка, — что-то больно льстивый голос. — Что же вы мне сразу не

сказали, что вы невеста Вадима Дмитриевича? Мы бы нашли вам более престижную должность. Ну, оставлю вас, пожалуй. Ненадолго. — С этими словами, шеф бочком протиснулся между мной и стеной к двери, обходя меня максимально возможным радиусом.

Я ошарашено провожала фигуру шефа взглядом до тех пор, пока он не скрылся за дверью.

— НЕВЕСТА? — рыкнула я.

— И тебе здравствуй, Лена. — Сероглазый поднялся с кресла и впился в меня изучающим взглядом.

— Какая к черту невеста? — Все, меня понесло... — Что это вообще такое?

— Сбежавшая, — хмыкнул брюнет.

Я недоуменно посмотрела на Вадима:

— Что, байка для бывшей стервозины вышла за пределы твоей квартиры? — Я ехидно прищурилась, — Я то здесь причем? Вон свистни, и к тебе весь молодняк города сбежится, только чтоб побыть твоей невестушкой.

Сероглазый медленно потер квадратный подбородок:

— Хм, еще и умная. Надо же. — Вадим снова впился взглядом. — Мне весь молодняк не нужен. Только одна.

Вот тут крыша у меня поехала. Да какого черта ему от меня надо. Все выходные себя изводила из-за него, теперь по-любому работу потеряю, так еще и издевается, и болтает всем, что я его невеста.

Я опустила взгляд на пол и тут же увидела подставку для зонтиков. Если уж меня со всех работ на ближайшие десять лет уволят, то я точно уже ничего не теряю.

— Значит невеста? — Кивок. — Значит молодняк? — Ага. — Значит одна? — Я схватила с подставки забытый кем-то зонт-трость, — Да пошел ты, придурок, несчастный, — и обрушила на «хозяина жизни» длинный зонт. — На! Получи! Сволочь!

Кажется, я ему успела попасть по плечу, руке и уху. А потом меня скрутили, прижали руки к телу и выдрали зонт.

— Да пошел ты! — И заткнули рот поцелуем. Нет-нет. Ничего эротичного, как вечером пятницы не было. Был просто кляп. Долгий, сосредоточенный, закрывающий рот кляп. Но здравого смысла он лишал капитально.

Правда, ярости поцелуй не решил, а лишь заставил более здраво смыслить. Я резко подалась вперед, и лизнула языком его полураскрытые губы. Вадим застонал и углубил поцелуй. Я же воспользовавшись этим, скользнула языком в его рот, и тут же без предупреждения сильно укусила его за нижнюю губу.

— Черт, — сероглазый резко отстранился, и я увидела, как с губы побежала узкая струйка крови. — Чего кусаешься? — Он по-прежнему крепко сковывал мои руки.

— Знаешь, если ранку во время не обработать, то может развиваться гангрена и твою слишком раскатанную губу придется ампутировать. — Я выдала самодовольный смешок.

— Слюна является природным дезинфектором, — хрипло выдавил он и облизал ранку.

— А я ядовитая, — умнее же ничего не придумала.

— Зараза к заразе не пристаает, — хмыкнул он. — И раз уж мы выяснили самое главное, предлагаю все-таки поговорить.

Тут я, поразмыслив и, посмотрев на очень близко стоящего оппонента, решила, что хуже уже не будет. Все-таки меня сейчас прижимает к входной двери кабинета шефа слишком влиятельный человек, что бы отказаться просто слушать его.

— У меня вопрос? — выдала я, потихоньку высвобождаясь из объятий.

— Давай, — Вадим нехотя отступил.

— Где твоя охрана, — и встретив недоуменно насмешливый взгляд, тут же продолжила, — они же должны были ворваться в кабинет, как только я начала вопить и бить тебя зонтиком.

— Резонный вопрос, — Вадим шкодливо хмыкнул. — Дело в том, что вопила именно ты, а не я. У меня в телефоне жучок, если охрана услышит то, что им не понравится, то тут же начнет спасать меня.

— То есть они сейчас все слышали, — я очень легко краснею. Особенности кожи такие. Делаю вид, что это нормальная реакция на стресс. — А когда ты сексом занимаешься, они тоже слушают?

— Ну, — Вадим замялся, — если их напрягает объект, то да.

— Порнуха какая-то. Эксгибиционист несчастный, — богатое воображение тут же все преподнесло во всей красе. — Давно так живешь?

— Пять лет почти. — «Извращенец».

— А тебе сколько?

— Тридцать два.

— Ну, вот и познакомились. Мне двадцать три.

— Я знаю.

— А что еще знаешь?

Вадим устало вздохнул, но видимо решил доиграть до конца. И что ему от меня надо?

— Захарова Елена Аркадьевна. Двадцать три года. Родилась в семье фармацевта и филолога. Родители живут в небольшом городке в двухста километрах от сюда. Ты старшая. Две младшие сестры. Работаешь с девятнадцати, чтобы родителям было легче. Да и сестрам тоже. Чуть больше четырех лет назад переехала сюда. Легко поступила на лингвиста, через год перевелась на заочное, так как начала работать. В этом году получишь диплом. Независима, целеустремленна, красива. Из подруг только местный психоаналитик Алевтина Самойлова. Причем по специальности ты к ней никогда не обращалась. Живешь в съемной маленькой однушке. — Вадим вздохнул и продолжил, — и ты мне сейчас очень нужна.

Я выдохнула. Если уж он обо мне столько знает, чем рак на горе не шутит.

— Зачем, — слава богу, голос не дрогнул.

— Мне нужна невеста! — мужчина тяжело вздохнул и потер брови руками, пытаюсь успокоиться.

— Так позови обратно Лесю. Или какую другую позови, с радостью согласится, — хмыкнула я.

— Мне нужна в этом качестве именно ты. Сказать почему? — Вадим пристально посмотрел на меня. И, дождавшись кивка, продолжил, — Тебя видела Леся. Она сестра одного из самых влиятельных редакторов в регионе. Про невесту они уже знают. Тебя найдут через пару дней. И если ты окажешься не моей невестой на деле, жизни тебе не дадут. Мне тоже. А моя выгода — тебе от меня ничего не нужно. Иначе в пятницу не сбежала бы, а попыталась меня уложить в постель. И так я избавлюсь от потенциальных невестушек, которые охотятся за моим баблом.

— А с чего ты взял, что я не буду охотиться за твоим баблом? — хищно сверкнув глазами спросила я.

— Потому что я тебе и так очень хорошо заплачу, — хмыкнул Сероглазый. — И

предоставлю место своего личного переводчика. Ты ведь пять языков знаешь в совершенстве?

— Ты предлагаешь мне работу? — Я неверяще посмотрела на него. — А за что? За услуги лингвиста? Или личной подстилки?

Вадим шумно выдохнул:

— Моей будущей жены!

— И сколько я стою в таком качестве?

— Восемь тысяч. Евро. В месяц.

Я уставилась на него, как на идиота, и жалобно спросила:

— Может, все-таки, купишь проститутку за тысячу и не будешь мне мозг выносить?

— Нет. Только ты. И это всего на полгода, пока они не отстанут.

Я, прищурившись, смотрела на мужчину.

— Я могу подумать?

— Нет, — Вадим искренне изобразил сожаление. — Они тебя сожрут, если ты не будешь под моей защитой.

Я молча посмотрела в его глаза.

— У меня выбора нет?

— Нет. Сейчас ты едешь домой, собираешь вещи и переезжаешь ко мне. Не бойся, — усмехнулся он, видя мое возражение, — комнат у меня достаточно, чтоб встречаться не чаще чем раз в неделю.

Ну, раз в неделю я выдержу точно. И на него, наверное, с мыслью изнасилования не напрыгну. Может быть. Все-таки мужик классный. Не в плане обеспеченности, а в плане: «ой, какой самэц, мне б такого, на полку б поставила — пыль вытирала».

— Хорошо, — выдохнула я!

Вещи я, правда, укладывала со скоростью новобранца. Остановилась лишь тогда, когда решила позвонить Альке. Удивительно, что Вадим про нее узнал. Выследить это было практически невозможно. Познакомились мы весьма необычно. Я ее чуть не сбила на своем «матизике». На парковке у торгового центра сдавала задом, и не заметила хрупкую девушку, подходящую к своему сузуки. Остановилась лишь, когда услышала через приоткрытое окно сдавленное ругательство. Вышла, познакомились, разговорились. Оказалось, что психоаналитику тоже иногда нужно выговориться. И она выговорилась. Мне.

— Привет, Аль. Не занята? — Я изобразила голосом ярую радость.

— Привет, подружка. Для тебя я всегда свободна. Давай рассказывай. Первый раз сама позвонила. Это о многом говорит.

Я решила не тянуть кота за резиновые причиндалы.

— Я теперь невеста Коробова Вадима Дмитриевича. Сегодня к нему переезжаю. Егс «благородством» уволена со своей работы. Теперь работаю его невестой и по совместительству личным переводчиком. — Тут я позволила себе выдохнуть.

— То есть ты явно не в восторге от этого? — Алька дождалась соглашающегося хмыка. — Ну, понятно. Вряд ли ты согласилась за деньги. Так что либо это любовь с первого секса, либо охрана своего спокойствия. Рассказывай.

Эх, до чего хороший психоаналитик у меня в подругах.

— А может все-таки секс? — С надеждой спросила я.

— Не. Скорее всего, защита от той ситуации, в которую ты попала благодаря тому,

почему ты всегда попадаешь в нелепые ситуации.

— Блин, а ты в ясновидящие податься не хочешь? Лучше объясни мне то поведение, которого мне придерживаться?

— А чего именно ты хочешь добиться? Если просто переждать время в образе и подобии невесты Коробова, то беспрекословно подчиняйся приказам. А если ты хочешь его действительно на себе женить, то сопротивляйся до последнего укуса. Мужики — хищники любят сопротивляющуюся жертву.

Я закрыла глаза и тяжело вздохнула.

— Аль, а может ну их. Сбегу к родителям и заживу тихой спокойной жизнью переводчика, а? — с надеждой спросила я.

— Ну, насколько я тебя знаю, — в голосе мозгоправки послышалось лукавство, — ты вряд ли спрячешься за чужими спинами. Мой тебе совет, Ленусик, борись за свое счастье. Даже если оно и на счастье то не похоже.

— О да, оно похоже на сероглазую сволочь, которая и с мнением то моим не считается, — я вплела в свой голос максимальное чувство обиды.

Алька громко засмеялась в трубку:

— Вот теперь я точно уверена, что у вас все получится. Все, не хандри. У меня прием. Давай ка встретимся в каком-нибудь клубе сегодня. Ты звони если что.

Алька отключилась. Вот такие у меня странные отношения даже с подругами. Уж не говоря даже о подвернувшемся женихе. Я так и просидела на диване с телефоном в руках, пока в домофон не позвонили. Я нехотя сползла с дивана:

— Кто?

— Вадим.

Я нажала кнопку, повесила трубку и открыла дверь. Поплелась в единственную комнатку своей квартирки и тихо села на пол рядом с диваном. То, что моя жизнь менялась, я прекрасно осознавала. Но вот в какую сторону. Я как оптимистка со стажем, решила, что все сделаю, чтобы в лучшую.

В прихожей раздались шаги.

— Лен, ты где? — скрипнула дверь комнаты. — Ты чего на полу сидишь?

Вадим внимательно на меня смотрел. Я чувствовала этот взгляд, но глаз не подняла. Он тяжело вздохнул и опустился на пол рядом со мной. Резко прижал меня к своему плечу и откинулся головой на диван.

— Вадь?

— М?

— Можно я эту квартиру за собой оставлю. Я сама за нее платить буду. Не из твоих денег. — Я шмыгнула носом.

Вадим замер. Плечо словно окаменело. Но через несколько секунд расслабилось, словно он для себя что-то решил.

— Можно. Лен, поехали домой. — Я подняла на него настороженный взгляд. «Домой». С каких пор место, где я пробыла сорок минут, стало «домом»? Но для себя я уже тоже все решила.

— Поехали.

До квартиры Вадима нас довез хмурый и очень сосредоточенный охранник Костя. Этот двухметровый «шкаф» внушал явное уважение. Не столько из-за роста, сколько из-за покровительственного выражения умного и острого взгляда.

Все мое имущество влезло в пару спортивных сумок и один большой пакет с обувью. Размер-то 34,5. Таковую найдешь только в детском мире, и то исключительно в дефиците.

Вадим молча занес вещи в отведенную мне комнату в светло-бежевых тонах.

— Располагайся, вещи можешь разложить сама. Если хочешь, то через полтора часа придет моя домработница, Ольга Витальевна, и все разложит.

— Нет. Я сама, — выдохнула я. В ответ на вопросительно приподнятые брови ответила, — не люблю, когда в моих вещах кто-то копается.

Вадим резко нахмурился.

— Ладно. Будет нужна помощь, я у себя в комнате, — и он показал на дверь, ведущую в смежную комнату.

Я равнодушно пожала плечами. Я устала и мне пофиг.

— Хорошо.

Вадим выжидающе посмотрел на меня, но, больше ничего не дождавшись, вышел в дверь смежной комнаты.

Я мысленно встряхнулась и поплелась распаковывать свои «чумуданы». Для начала решила повесить свои немногочисленные «рабочие» блузки. Открыла дверцу шкафа и.... офигела. Да-да. Другое слово здесь не подходит совершенно. Почти весь трехметровый шкаф был завешан женскими деловыми костюмами и вечерними платьями.

Какого... художника он поселил меня в комнату своей бывшей. Ух, я ему сейчас устрою сладкую жизнь. Быстро сдернув с вешалки первое попавшееся платье, я поспешила в комнату Вадима. На эмоциях толкнула дверь в комнату, влетела в нее и замерла. Мой «благодарный» стоял у окна и вопросительно-насмешливо смотрел на меня. Но замерла я не поэтому. Он был в одних джинсах. Босой. Блин, вот это тело.

— Мм, я думала, что ты худее, — язык мой — враг мой.

Бровь вопросительно изогнулась:

— Мне на диету сесть? — Тело двинулось в мою сторону.

— Не, тут диета не поможет, — с видом врача-диетолога начала я, — тут генетику менять нужно.

Вадим подошел почти вплотную:

— Ты пришла поговорить о генетике?

— Нет, — я хищно улыбнулась и двинула «жениха» своим тридцать четвертым по голени. Ой, я знаю, что это больно.

— Ай, за что?

— Я не буду жить в этой комнате, — я швырнула в Вадима платье, которое держала в руках, — пусть твои содержанки там живут. — И попыталась выйти из его комнаты. Ага, так мне это и дали сделать. Я тут же была перехвачена, развернута и прижата к мускулистому телу. Блин, я ему в холке даже до плеча не достаю. Да уж, пинать его было плохой идеей. Мое сознание тут же начало просчитывать ходы.

— Что тебе не понравилось в этой комнате. — Черт, эта его хрипотца в голосе...

— Это, явно, комната твоей бывшей. А я твоя фиктивная невеста...

— В этой комнате до тебя никто не жил. Одежда куплена и доставлена сегодня утром. На размер посмотри, на Лесю даже близко не налезет. — «Куда уж ей, кобыле». — Так что ты будешь жить именно в этой комнате.

Так, меня слегка отпустило.

— А платья то мне зачем?

— Завтра мы едем на новогоднюю тусовку. Чтобы вид приличный был. — Задумавшись, добавил, — Пожалуй, надо тебе гея-стилиста найти. Паше позвоню — найдет.

Так, появились нехорошие мысли:

— Почему гея то сразу. Может, я натурала хочу?

Хрипловатый голос у уха:

— Не хочешь. На ближайшие полгода я единственный натурал в твоей жизни.

— Ну, в жизни — не в кровати, — я уже говорила «язык мой — враг мой»? Так вот, не враг это. Так себя даже враги не ведут.

Меня немедленно развернули моськой к свету. Тьфу, то есть лицом к «бруталу» Коробову, приподняли за подмышки до уровня его лица, «видимо нагибаться надоело», вперились своими серыми глазами и прошипели:

— В жизни, если надо — в постели, в душе, на столе! Это как фантазии хватит!

— Ну, уж нет. — Хмыкнула прямо в злую рожу. — Больно надо мне такое счастье. Полгода перетерплю как-нибудь. А то придется тебе после «на столе» на мне реально жениться, а я к этому морально не готова.

Взгляд серых глаз превратился из раздраженного в задумчивый:

— А что, выйти замуж за обеспеченного мужика так плохо? — меня осторожно поставили на пол.

— Да хуже не куда! Ладно б ты был просто обеспеченный. Ты ж олигарх. Авторитет. Меня либо твои бывшие модельки прикопают под первым же кустом. Либо конкуренты грохнут. И это еще в лучшем случае. А так как мы в России живем, то скорее всего ты с теньвыми связан. Либо крышуешь, либо прикрываешь. За услуги конечно. Так что мне же дороже обойдется замуж за тебя идти.

Взгляд стал еще задумчивее, куда уж больше.

— Лен, а ты чего на переводчика учиться пошла? Тебе б прокурором, или следователем.

— Ты что, в невесты мента хочешь? В ролевые с проститутками переиграл? — Блин, откуда у меня жаргон торговли с базара. Нет, реже надо там одеваться. Сейчас смущаться начну. Пора топать из чужой комнаты от полуголого мужика в самом расцвете лет. — Все, пошла я вещи разбирать, — и под тихий хохот рванула к себе в комнату.

Так, на Вадима Дмитриевича я все-таки запала. Нужен план.

Черт меня дернул согласиться на клуб с Алькой. Стою у входа в «Ниццу» и жду своего психолога. Понимаю, название заведения так себе, но не я тут креативщиком работала и его придумывала.

Коробов свалил куда-то через два часа после общения, сославшись на дела. Ха, так я и поверила. Наверняка к какой-нибудь очередной блонди рванул. Я поревновала, расстроилась. Надела самое короткое черное платье, найденное в гардеробе, натянула «ботфорты» выше колена на высоком подъеме, накинула пальто, висевшее в том же шкафу, нанесла боевой раскрас, распустила волосы и поехала навстречу приключениям.

Алька подъехала на такси через две минуты.

— Привет, невеста олигарха. — Алька полезла с обнимашками, — Ну пойдем глушить тоску-печаль народными средствами.

М-да. Алька, как психолог, даже себя воспринимала как влияние чего-то иноземного на роскошную русскую душу. Поэтому свою профессию оправдывала истинно национальными предпочтениями: борщом в еде, чаем с молоком в питье, водочкой в выпивке, икоркой в

закуске. Благо на икорку профессия заработать позволяла.

— Пойдем, — с легкой грустью отозвалась я, думая, что ближайшие полгода мне погулять по клубам не светит.

Меня потянули за рукав внутрь помещения. В гардеробной подруга сбросила с себя свою шубку и тут даже я присвистнула от восхищения. На фигуристой девушке с ростом модели красовалось кроваво-красное платье, красиво облегающее грудь, приталенное и и красиво струящееся к коленям. А вот спина платья была почти голой. Ажурной. Не удивительно, что все, стоящие рядом, особи мужского пола выпали в осадок. Я также избавилась от пальтишка и так же словила заинтересованные взгляды.

— Ну что, в бар, — если уж Алевтина решила набраться, то это серьезно.

К барной стойке подруга тащила меня с ураганной скоростью.

— Две водки! Лимон с сахаром! Один апельсиновый сок!

Я опять тяжело вздохнула. Пить с Алькой удобно только потому, что подруга практически не пьянела и всегда доставляла до дома. Учитывая разность комплекций, то тащила практически на руках, отбиваясь при этом от излишне настойчивых кавалеров.

Бармен поставил заказ на стойку. Алевтина тут же взяла одну рюмку, закинула ее в апельсиновый сок. Хм, знает, как я люблю. Схватила свою порцию и выдала вечное:

— Ну! За нас, красивых! — и, не чокаясь, залпом в себя. У меня залпом не получилось. Но три качественных глотка я сделала.

— А теперь рассказывай. Желательно в подробностях, вплоть до мимики лица. А то такие, как твой Коробов, ко мне не заходят. Самодостаточные больно.

Я тяжело вздохнула и закатила глаза.

— Не мой он, этот Коробов. Совсем не мой, — допила «отвертку», бармен тут же поставил нам по новой порции. Только сейчас Аля не стала мешать мне коктейль. В курсе, что сок мне нужен только для разогрева. — Вчера по работе приехала к нему домой, упала от голода и страха от лифта в обморок. Очнулась в его квартире, потом пришла к нему бывшая, он меня ей представил как невесту, целоваться полез. Бывшая смоталась, я в шоке снова почти в обморок, пока искал, чем меня в чувство привести сбежала.

— А чего сбежала то, — перебила подруга, — так плохо целуется?

— Нормально целуется, — я тут же встала на защиту сероглазого и продолжила. — Так вот. Сегодня приезжаю на работу, а там эта наглая морда. Говорит: собирайся, увольняйся, я тебя на работу возьму лингвистом-невестой, дабы денег два раза не платить. Ну, я ему по ушам зонтиком наездила. Чтоб фигней не страдал. А эта сволочь снова полезла целоваться. Потом я его укусила, а он меня домой загнал, чтоб вещи собрала и к себе перевез.

Алька молча подняла рюмку и влила в себя. Я последовала ее дурному примеру.

— Подожди. То есть ты с ним целовалась, била его, кусала, а он все равно решил из тебя невесту сделать? — Тут же в дело включился психолог. — М-да подруга, могу смело тебе сказать, что влипла ты. Будешь продолжать в том же духе, и женится он на тебе реально. И полгода не пройдет.

Я тут же своим пьянеющим мозгом представила: я — мелкая, в свадебном платье, в туфлях на два размера больше, потому что свадебных на меня не наищешься, топаю к алтарю шаркающей походкой. А там меня ждет Вадим. В одних джинсах... Тьфу, какой алтарь. В России живем. А в загсе всех расписывают полнеющие тетки около сорока. И если они увидят полуголового Коробова, то нас расписать просто не успеют. Я до загса дойти не успею — изнасилуют они его. Сама в комнате еле сдержалась. Эх, хорош, чертяка.

— Так я может и не против женитьбы, — я грустно усмехнулась, — так только по-настоящему то не позовет. Не того полета утка.

Подруга тут же выдала профессиональным голосом:

— Так. План такой. Такие мужики от газетчиков разного рода могут откупиться легко. Значит, зачем-то ты ему нужна. Вряд ли ему так нужен простой переводчик. Гугл ему в помощь. Скорее всего, ты его вчера чем-то зацепила, вот он и придумал с невестой, чтоб ты рядом была. А зацепить умного мужика неразгаданной женской логикой легче простого. Так вот будь собой, нелогичной, странной, нелепой. И он твой.

М-да. «Мой» блин.

Запив эту мысль еще одной порцией, Алька утащила меня на танцпол. Отжигать.

Все-таки природная пластичность, чувство ритма и пятнадцать лет танцевальной школы не прошли даром. Не зря я весь свой очный первый курс со сцены универа не слазила. Скоро вокруг нас собралась толпа восхищенных поклонников «от двадцати до тридцати». Я же настолько отдалась музыке, что не сразу почувствовала взгляд, сверлящий мне спину. Резко обернулась и тут же наткнулась на знакомую фигуру, стоящую на лестнице на второй этаж. Поза напряженная, одна рука в кармане, вторая сжата в кулак. Лица не видно, но кожей чувствую: взгляд недобрый. Рядом деваха какая-то, из разряда «простигосподи». Как-то стало нехорошо.

Тут один из «поклонников» решил себя проявить. Невысокий блондин развернул меня к себе, и положил свои руки мне на то, что ниже талии. Я тут же прошипела:

— Руки убрал!

Тот самодовольно улыбнулся:

— Да ладно, крошка! Ты ж явно на внимание нарывалась. Может, поедem ко...

Алькино «ой-ей» и парень резко от меня отлетает. Тут же вскакивает на ноги, для того что б получить по челюсти от разъяренного Коробова. Ну, точно маньяк. Кто ж бьет с таким наслаждением и оттяжкой. Слава богу, между Коробовым и блондином появился Костя и, схватив «ухажера» за шкуру, куда-то уволок.

Его «светлейшество», Вадим Дмитриевич, повернулся ко мне.

— Пошли! Быстро!

Но тут взбрыкнула моя гордость, подкрепленная алкоголем.

— Не пойду! Я еще не натанцевалась. Между прочим, это мой последний свободный от тебя вечер. Дай отдохнуть.

Серые глаза как-то нехорошо потемнели:

— Лен, лучше давай по-хорошему.

— Вот и иди сам по-хорошему. — Блин, ну почему я с ним все-время ругаюсь. Но тут же увидела модельку, которая явно хотела повиснуть на руке этого буржуя. Я кивнула на нее. — С ней! Она ж явно не против. Только, чур, не извращаться в моей комнате. А то новую мне готовить будешь. — Блин пьяный язык, куда ж ты несешь.

Из Коробова вырвалось что-то похожее на рык, он резко сбросил с себя руку модельки, нагнулся, и я тут же взлетела ему на плечо. Резко взвизгнула, ведь платье то короткое, но моя пятая точка тут же оказалась под его ладонью. Единственное что хорошо запомнила, выходя из зала. Так это ошарашенно-заинтересованное лицо Альки.

На улице на меня бесцеремонно натянули пиджак и потащили в машину. Я тут же возмутилась:

— А пальто?

— Костя заберет. — Запихал на заднее сиденье «Ровера» и тут же уселся рядом. — Поехали.

Машина тронулась, и я посмотрела на водителя. Там сидел парень лет двадцати пяти. В какой-то гоп-шапке, кожаных перчатках, кожаной куртке и с явными признаками проявления генетики якутов на лице.

Сероглазый молчал и нехорошо на меня поглядывал. А я что, я ничего... Я вообще пьяная и мне все можно.

— А ты кто? — смотрю на водителя.

— Павел, — шофер с усмешкой смотрел на дорогу, — водитель Вадима Дмитриевича.

— Аа, — максимально протянула гласную, — это который в спецслужбах работал и может мне гея найти?

Шофер резко заржал. Нет, я понимаю, если б он просто засмеялся. Так нет же, заржал, откинув голову назад. Коробов подал голос:

— Паш, — ржач резко оборвался, — позволь представить тебе: Лена. Моя невеста. Завтра с утра поставишь двоих в охрану.

Поймала на себе цепкий взгляд Павла. Ох, попала я.

— А Костя где? — Константин априори казался мне человеком более безобидным, чем эти двое.

— Едет рядом, с пацанами. — Буркнул Коробов, и тут же недовольно продолжил, — Если у тебя нехватка мужского внимания, могу компенсировать, а так про натуралов мы сегодня уже говорили.

— Слышь, Коробов, у меня до тебя с мужиками проблем не было. Ввалился в мою жизнь, так будь добр, веди себя нормально. А то Алька по сегодняшнему поведению тебе диагноз поставит: либо необоснованный ревнивец, либо латентный гей. — Чего-то жить мне совсем, видимо, расхотелось. Ведь сама же провоцирую. И откуда ж у меня этот стервозный характер проявился. Вроде не был таким гадким.

Меня тут же схватили с нагретого сиденья и заткнули рот уже привычным способом. Одной рукой этот буржуй крепко держал за затылок, не давая отстраниться, (да и желания то особо не было), другой скользнул по бедру и начал водить по ажурной кромке чулков. У меня в голове настойчиво крутилась какая-то мысль, но она упорно ускользала под натиском жестких губ.

— Кхе-кхе, — в салоне раздалось деликатное покашливание.

Коробов нехотя отстранился и уткнулся лбом мне в плечо. А я, я таки поймала мысль:

— Вадь, ты чего в клубе то делал?

— Покупал его.

Я осторожно пересела на сиденье, откинулась на спинку и прошептала:

— Это будут очень долгие полгода.

Коробов услышал...

Утро добрым не бывает. По крайней мере, не мое и не сегодня.

— Вставай, алкоголик. — Голос Вадима был где-то в районе правого уха. — Через полчаса приедут стилист и косметолог.

Я резко подскочила. Вот зря я сначала подсказываю, и только потом глаза открываю. Как я ему своей макушкой челюсть не сломала, не понимаю. В голове резко зашумело.

— Ой, извини! — Вадим стоял, потирал ушибленное место и изучающе смотрел на

меня. — Я, правда, не хотела. А минералка есть?

— На столе стоит. — «Жених» кивнул на стоящую рядом с кроватью тумбочку, на которой стоял стакан и, лежала упаковка «антипохмелина». Я схватила это добро и начала жадно глотать воду. Вадим, усмехнувшись, подошел к окну, чтобы шторы раздернуть.

— Не надо!!! — Сероглазый остановился и оглянулся на меня.

— Почему?

Я смутилась:

— Я высоты боюсь.

Он не засмеялся, а как то тяжело выдохнул:

— Ты поэтому в лифте с закрытыми глазами едешь?

Я смутилась еще больше, поглубже закуталась в одеяло и кивнула.

— М-да. Ладно, после праздников за город переедем. У меня там дом. — Вадим постоял в комнате еще немного, посмотрел на меня задумчивым взглядом и, так от меня ничего не дождавшись, вышел из комнаты.

Я же только думала о том, чтобы он не успел заметить на мне фланелевую пижаму со смурфиками.

Еще раз зевнула, встала и поплелась приводить себя в порядок. Слава богу, вчера хватило здравомыслия смыть косметику и переодеться. Приняла душ, накинула халат и начала расчесывать свои кудряшки. За этим занятием меня и застали мои сегодняшние мучители. Это были два невысоких парня вполне приличной наружности. Правда слишком уж ухоженные и прилизанные. У одного из них на голове красовались какие-то разноцветные перышки, у другого на выбритом виске была какая-то витиеватая татуировка.

Тот, что с перышками тащил огромный чемодан.

— Здравствуйте, Елена Аркадьевна. Меня зовут Максим. Я ваш проводник по миру ухода за собой. — Он бросил чемодан на незаправленную кровать, подошел ко мне и тут же схватился за мои мокрые волосы. — Да уж, тут работы непочатый край. А вроде маленькая такая.

Парень с татухой хмыкнул и отправился к моему гардеробу.

— Я Игнат. Подберу вам гардероб на этот вечер и на каждый день. — И тут же начал выбрасывать мои вещи и обувь из шкафа.

Я поняла, что так и сижу с расческой в руке.

— А вы оба геи? — Это вам вместо «здрасте» и за гардероб. Однако мои недруги даже бровью не повели. Ответил Максим, который уже отобрал у меня расческу, достал из чемоданчика какие-то тюбики и начал что-то намазывать на волосы:

— Я гей, Игнат натурал, правда девушек как перчатки меняет.

Я тут же задумчиво выдала:

— Странно. Вадим сказал, что ни одного натурала ко мне даже близко не подпустит, а если кто подойдет — прибьет сам. — Я мстительно усмехнулась, увидев, как замер Игнат. — Вон вчера в клубе одного отделал.

— Елена Аркадьевна, может, вы жениху не скажете о моей ориентации? — ну вот господи стилисты уже сговорчивее.

— Игнат, а может, вы после себя все вещи на место сложите?

— Так они ж китайские...

— Они мои! — рывкнула я, — И останутся у меня.

Тут вмешался Макс, явно желая перевести тему:

— А в каком клубе вы вчера были?

— В «Ницце».

— Так это Вадим Дмитриевич так сына мэра отделал? — обе жертвы красоты посмотрели на меня с благоговейным ужасом.

— К-как мэра? Этот белобрысый его сын? — Мысли рванули в сторону «сизу за решеткой в темнице сырой».

Макс мечтательно потянул:

— Вот это мужик! Мне б такого! Никого не боится.

Я фыркнула:

— Тебе точно не светит. — «Как и мне».

В это время в комнату заглянул вышеупомянутый олигарх.

— Лен, я в офис. Будь готова к шести. Я зайду.

Я выдернула свои волосы из рук стилиста:

— Дорогой, удели ка мне минутку наедине. — Да-да, елейный голос ничего хорошего не предвещал.

Я схватила Вадима за руку и втащила в его комнату, захлопнула дверь и развернулась лицом к «дорогому».

— Ты какого художника вчера сыну мэра наkostenял? Не поверю, ни за что, что ты его не узнал. Вы в одном кругу болтаетесь?

— Нечего было лапы распускать, — блин, ну как можно так улыбаться

— Коробов, ты чего себе и мне проблемы наживаешь. Я через полгода от тебя съеду, мне потом как здесь жить? Или предлагаешь уехать отсюда. Подальше от таких идиотов, как ты? Да я лучше сейчас свалю, пока ты еще чего-нибудь...

Ну да. Вечный кляп. А губы нежные-нежные. Настоячивые-настоячивые. И руки под попку придерживают и прижимают к двери. (Когда только успел?) Тут вспоминаю, что под тонким халатом только трусики, и начинаю настойчиво упираться руками ему в грудь. Как-то медленно отстраняется, упирается головой в дверь. Так же осторожно ставит меня на ноги. Оба тяжело дышим.

— Никто тебя не тронет, — голос глухой, почти шепот. — Об этом даже не думай.

Резко отстраняется, разворачивается и уходит. Выдыхаю.

Вот блин. Я его два дня не знаю. Что же между нами такое происходит. Ладно, хоть выяснили, что мэр нам не соперник.

Так, есть дела более насущные. Например, два перца в моей комнате. Развернулась и потопала в свою комнату.

— Значит так, мальчишки-зайчики. Кудряшки не распрямлять, макияж естественный, обувь высокая, но максимально удобная, платье простое, элегантное. И никаких «Елена Аркадьевна», а то чувствую себя на пятьдесят лет.

Следующие восемь часов меня мыли, чистили, красили, одевали, раздевали, искали по всему городу обувь, изредка кормили и наконец, измученную отпустили.

Вадим, как и обещал, зашел в мою комнату ровно в шесть вечера. Макс как раз поправлял мои заколотые в красивую гриву волосы, а я стояла у зеркала и любовалась на свое изумрудное платье в пол, с рукавом в три четверти, красивым квадратным вырезом и разрезом почти до кромки чулка.

— Пошли все отсюда. — Это стилистам. Те в минуту собрались и выскользнули из

комнаты.

Коробов медленно двинулся ко мне, держа в руках какую-то коробочку.

— Это тебе. К платью очень подойдет. — И отрыл.

Елки зеленые! Если ты никогда не видела дорогих украшений и тебе двадцать три года, поздравляю. Ты лох. Как и я.

На черной бархатной подушке лежало кольцо с сережками. На тонком серебристом металле под тоненькими лепестками металла лежали капли изумрудного цвета. Даже если это бижутерия, то невероятно дорогая. Я медленно, дрожащими пальцами погладила украшения. Подобрала челюсть с пола, закатала губки специальной машинкой, стерла с коленей слюнки.

— Коробов, ты если так полгода жить собрался, как последние два дня, то разоришься, — ну а как еще выразить свое восхищение этим представителем мужского пола, и при этом не разрыдаться от умиления.

Сероглазый на меня раздраженно посмотрел:

— Не нравится? Менять уже поздно. Сегодня пойдешь в этом, а завтра, если хочешь, ограбим ближайшие ювелирки.

Блин, да нравится мне все, просто в его присутствии мозг резко отключается, и включаются гормоны восьмилетней давности.

— Ну почему же. Просто носить такую прелесть на себе страшно. Вдруг потеряю.

— Не потеряешь, — Коробов меня тут же развернул к себе спиной. Легко провел по шее пальцами и быстро защелкнул замочек украшения. Отступил от меня на два шага, любясь сделанной работой. — Так и знал.

Да что тут знать то! Повернулась к зеркалу. Изумрудная капелька легла прямо между ключицами, приковывая внимание. Шумно выдохнула:

— Ничего себе. Спасибо.

— Сережки тоже надень.

Быстренько сняла свои «гвоздики» и осторожно нацепила изумрудную прелесть. Хм, тяжеленькие. К концу вечера уши, наверняка, болеть начнут.

Вадим нерешительно мялся за моей спиной. Чего-то начала нервничать. Положил ладони мне на плечи:

— Лен, там сегодня будут мои родители и сестра. Пусть они думают, что у нас все серьезно. А то опять весь мозг вынесут. И тебе, и мне.

Я резко повернулась к нему и нахмурилась:

— Ты хочешь обманывать родителей в плане личной жизни? Не легче ли сказать правду. Вдруг, тебя с другой засекут, а ты, вроде как, почти женат?

Ладони на плечах напряглись.

— Никаких других не будет, — сказал, как отрезал. — Тебя буду ждать.

— Ты полгода евнухом жить собрался? Слушай, Коробов, если в постель меня затащишь, тебе действительно придется жениться. На мне. — Сказала, как выдохнула.

Вадим смотрел на меня тяжелым недоверчивым взглядом. И сказал:

— Ладно. Пошли уже. Переживем этот вечер, дальше видно будет.

Развернулся и вышел из комнаты. А я...я не поняла, что это было, но вникать в проблему времени не было.

Схватила пальто и кинулась следом.

Мы опоздали почти на час. Предновогодние пробки это нечто. Для новогоднего

мероприятия был снят двухэтажный ресторан с огромным танцполом и двумя сценами, на которых уже отрабатывали свой хлеб околостолличные звезды. В гардеробе Вадим отобрал у меня пальто и отдал кому-то. Ну и ладно, украдут, сам покупать будет.

Когда я вошла в зал, то чуть челюсть на пол не уронила. Народу была тьма. То тут, то там мелькали местные и не только публичные личности. Их жены, подруги, любовницы мелькали тут же, поблескивая своими нарядами. Захотелось развернуться и выскочить из зала. Я так бы и сделала, если б меня не притиснули за талию к мужскому боку и практически не внесли в зал.

Коробов огляделся, выискивая кого-то в толпе, но, не найдя, поставил меня на ноги:

— Я сейчас, никуда не уходи, — и утопал в неизвестном направлении.

Я часто задышала, у меня, наверное, клаустрофобия. Я такая маленькая стою одна посреди зала с незнакомыми людьми. Ааа... Так, я сильная, я справлюсь.

— Ленка? Захарова? — повернулась на радостный голос. Ко мне продиралась моя одноклассница Маринка.

— Маринка, ты здесь как? — я бросилась ее обнимать. — Ты где зараза была? Я тебя три года не видела, как на заочное перевелась.

— Я замуж выходила и академ на полгода брала, потом наверстывала. А сюда брат пригласительные достал. Они с мужем сейчас ушли дела обсуждать. Что-то с международными перевозками связано. А ты здесь что делаешь? Кстати, классно выглядишь. — Маринка, как всегда быстро тараторила и активно жестикулировала, так что вокруг нас уже освободилось достаточно пространства, чтоб спокойно дышать.

— Спасибо. Знаешь, сколько мучений мне сегодня эта красота стоила. А я здесь с женихом, — врать Маринке было сложно, но выбора уже не было. — Давай рассказывай, как там замужем? Где сейчас живете?

Маринка тут же затараторила:

— Замуж вышла за французского партнера брата. Зовут Анри. По-нашему Андрей. У него бабушка русская, вот и имя дала. Ой, вот они с братом идут, сейчас познакомлю. — Маринка кивнула куда-то за мою спину.

Я не успела повернуться. Мою талию обвили знакомые руки. Я бы их уже, наверное, ни с чьими не перепутала. Маринка же кинулась на стоящего рядом с Коробовым светловолосого кудрявого парня и вцепилась в него.

— Вот, Лен, знакомься, это Андрей мой муж и... — и тут она скользнула взглядом по застывшему за моей спиной жениху. Замерла, опустила взгляд на его руки, лежащие на моей талии. — Вадим?

Я подняла голову. Коробов зло уставился на Марину. Та на него обвиняюще.

— Лен, это Марина. Моя сестра. Марина, это Лена, моя невеста.

ВОТ Я ДУРА! Коробова Марина. Девушка, с которой мы дружили весь первый курс. Человек, благодаря которому, я вообще смогла прижиться в этом городе. Она сестра Коробова. Моего фиктивного жениха. Кажется, тут намечается мыльная опера.

— Братец, ты мне обещал!!! — я никогда не слышала, чтоб Марина кричала.

— Я свои обещания держу...

— Не вижу...

— Елена, не хотите ли прогуляться? — это мне? Ой, да Андрей.

— Да, конечно. — Мне услужливо подставили локоть, и я выдралась из рук, уже похожих на тиски. Схватила француза за локоток и тот увел меня от скандалящих

родственников.

— На них иногда находит. Минут через пятнадцать успокоятся и найдут нас.

— Хорошо бы. А то я еще ни того ни другого такими не видела.

— Я видел. Когда мы с Мариной сказали, что поженились без разрешения на то родственников с обеих сторон. Мои то, конечно, вытерпели, а вот Вадик устроил нам веселый вечерок. Пришлось второй раз жениться и пышную свадьбу устраивать. — Андрей торопливо рассказывал, иногда переходя на французский, и совершенно не замечал этого. — Может, пока закажем в баре выпить?

— А давайте, — я махнула рукой, — гулять, так гулять.

— А давайте перейдем на ты, а то родственники же почти.

— Хорошо.

Коробовых не было полчаса. За это время я успела подпоить француза, подтянуть свой французский, и узнать подноготную своего жениха. Например, что первый клуб тот открыл в девятнадцать лет. Точнее стал его совладельцем. В двадцать еще один. И так до двадцати семи лет. Потом на два года уехал в Европу, налаживать связи. Вернулся уже бизнесменом другого масштаба, и еще три года вкалывал, как папа Карло без выходных.

Я тоже выпила пару коктейлей и расслабилась. Как выяснилось, зря. Нашу приятную болтовню прервал визгливый голос.

— А, вот ты где, шалава.

Я повернулась и укоризненно подняла бровь. Разве в приличном обществе принято кидаться такими словечками?

— Очень приятно, я Лена. — Рядом засмеялся Андрей. Леся же, пьяно шатаясь, опять ткнула в меня маникюром.

— Ты, ты думаешь, что тебе все можно. Что? Теперь к этому в койку прыгнула? — кивнула на Андрея, — Чего ж ты такого пять лет назад с Коробовым сделала, что все это время он твою фотку с собой таскал, а меня бросил, как только я ее порвать попыталась? Теперь еще одного охмуряешь?

Я замерла:

— Какую фотку? Где...

— Леся, блин! — Коробов явно не в духе сегодня. — Я тебе сказал к ней не подходить. Какого х... ты здесь делаешь?

Блондинка, которая явно увидела, что успела напакостить, резко сменила тактику:

— Вадечка, ну что ты. Я просто предостерегла твою «якобы» невесту от вешанья на других мужиков, — я поняла, что сегодня будет убийство. Но Коробов что-то нажал на телефоне и рядом с нами тут же возник Константин.

— Кость, выведи это из зала. И чтоб больше мы с ней нигде не пересекались. — Так вот как великий бизнесмен умеет разговаривать. В голосе было столько холода и стали, что захотелось завернуться в шкуру медведя и топать куда-нибудь пешим эротическим туром.

Тут я подала голос:

— Вадечка, ты с ЭТИМ спал полтора года.

Мой жених устало потер переносицу и нагло поднял меня с кресла. Сам уселся на нагретое место, устроил меня на своих коленях и мягко промурлыкал мне в ухо:

— Не переживай, мне с тобой полтора года точно мало будет.

Вот сволочь сероглазая. Но возмутиться я не успела.

К нам подошла немолодая супружеская пара в сопровождении Марины, которая сердито

сверкнув глазами на брата, тут же уселась на колени Анри.

— Милая, познакомься, это мои родители. Маргарита Михайловна и Дмитрий Александрович. Мам, пап, это Лена, моя невеста.

Маргарита Михайловна тут же всплеснула руками, выдернула меня из рук сына и тут же прижала к себе. Она тоже была невысокого роста, слегка полновата, но очень гармонично сложена и великолепно одета. Глаза светились тихой радостью.

— Ох, деточка. Мы уже отчаялись услышать от Вадима слово невеста. Уже за тридцать, а все случайными связями перебивается. Думали, может у него проблемы какие, или ориентация не та. Знаешь, как внуков то хочется. Младшая, вон тоже все тянет. Так, может, хоть от вас дождусь.

Мама жениха посмотрела на меня с надеждой.

— Мам, Лена не беременна. Я не поэтому на ней женюсь. — Коробов отобрал меня у матери и подтолкнул к отцу.

— Очень приятно, Елена, — Дмитрий Александрович сдержанно приобнял за правое плечо и внимательно посмотрел, словно выискивал на моем лице признаки того, что я с его сыном рядом из-за денег. Начала под этим взглядом краснеть (ведь правда же из-за денег), а будущий свекр удовлетворенно хмыкнул. А глаза такие же, как у сына, серые и цепкие. — Надеюсь часто вас видеть у нас в гостях. Приглашаю вас на празднование нового года к нам. Отказы не принимаются.

— Пап, мы еще ничего не решили, — сероглазый-младший резко встал, и пробормотал что-то про «потанцуем», уволок меня на танцпол, где как раз играл какой-то медляк. Обнял меня за талию, зарылся носом в мои волосы и шумно вдохнул, будто успокаиваясь.

— Вадь, почему твоя мама решила, что я залетела? Где будем отмечать новый год?

Коробов выдохнул:

— Мать уже и не надеялась, что у меня будет невеста. Я четыре года назад заявил родителям, что не женюсь, и даже если будет ребенок, его обеспечу, но жениться не буду. И полгода почти у родителей не появлялся. Мама с тех пор эту тему больше не поднимала, но видимо придумывала много. А новый год если хочешь, то можно и у родителей. Можно дома на диване, можно в ресторан или клуб...

— Предпочитаю праздновать в семейном кругу, — оборвала я поток предложений. — А почему ты не хочешь жениться?

— Потому что готов жениться только на одной девушке, а она замуж за меня не хочет, — прошептал Вадим прямо в ухо, согревая его своим дыханием.

А у меня внутри все заледенело. Значит, есть девушка, которую он любит. Которая всегда для него будет недостижима. И из-за которой мне не светит быть рядом с сероглазым дольше, чем полгода.

— Коробов, я выпить хочу, — прошептала тихо, но он услышал. И, нехотя отлипнув носом от моей макушки, повел меня к стойке бара.

Я заказала себе водки. Коробов коньяк. Сели друг напротив друга и стали надираться. Я с горя (ведь успела же влюбиться в гада), он тоже, не знаю, от какого счастья.

Через два часа нас выводили из бара Константин и Паша. Точнее, меня почти выносил Костя, под бдительным, но пьяным оком Коробова. Он же шел сам, лишь придерживаясь слегка Павла. Нас быстро запихали в «ровер», на заднее сиденье. Охранники же сели на переднее, и мы рванули через весь город на предельной скорости, видимо, чтобы мы не успели уснуть. А мы и не думали засыпать. Коробов ловко затащил меня к себе на колени и,

поглаживая мою пятую точку, принялся целовать правое ухо. Я медленно выдохнула. А искуситель скользнул по моей скуле, носу, накрыл мои губы мягким поцелуем. Не тем кляпом, как обычно, и не тем жестким наказанием. А мягким, нежным, изучающим. От которого колени подгибаются и расплакаться хочется. Одна слеза таки скатилась. Сероглазый оторвался от моих губ, вдохнул слезинку губами и начал быстро мелкими поцелуями покрывать мое лицо. Как будто разрешил себе сорвать тормоза. Вдавил меня в себя объятиями. И тут машина резко остановилась.

— Вадим Дмитриевич. Приехали. — Это Костя.

Коробов шумно выдохнул и пересадил меня на кожаное сиденье. Я, не дожидаясь охраны, открыла дверь и уверенно вышла. В одном платье. Ну почему я с этим олигархом забываю забрать свое пальто? Я быстро сделала два шага и тут же поскользнулась. Уже падая, подумала, что впервые в жизни невеста крупного бизнесмена умрет не от пули в голове, а от удара тупой пьяной головой об лед. Меня подхватили за сантиметр от скользкой поверхности. Паша. Уф, слава богу!

Тут же подскочил Коробов.

— Уволю, нахрен. Ты что, позволил ей дверь открыть? — и меня тут же выхватили из рук одного охранника и передали другому. Костя со мной на руках и позади шатающимся олигархом, быстро пересек холл и вызвал лифт.

— Ей нельзя на лифте, — Вадим заботливо дыхнул перегаром. — По лестнице ее поднимешь. Она высоты боится. Квартиру продать придется.

Меня действительно резво понесли по лестнице.

— Елена Аркадьевна, цените. Он еще никогда в жизни так к женщине не относился. — Голос Кости гулко разносился по лестничным площадкам. — Я на него семь лет уже работаю. Точно знаю. Женится он на вас. Как пить дать.

Я зажмурилась, скрещивая пальцы.

— Кость, если женится, я вас сама на лучшей девушке в мире женю.

— Мне на лучшей не надо. Можно ли с Алевтиной познакомить? — Охранник игриво подмигнул. — Что-то снится она мне в последнее время. Но надо как-то ненавязчиво.

— Не, ненавязчиво она не поймет. Тут нужен решительный подход. — Я громко хмыкнула. — Кость, она ж тебе диагноз в первые десять минут поставит, а потом месяц будет доказывать, почему все именно так.

Костя улыбнулся:

— Ничего страшного. Я все свои диагнозы уже знаю.

В квартиру Коробова дверь уже была распахнута. В коридоре ждал сам хозяин.

— Поставь ее, дальше я сам. — И выхватил меня из Костиных рук. Охранник понимающе улыбнулся и закрыл дверь в квартиру. Снаружи.

Я же смотрела в глаза, цвета расплавленного серебра. И, кажется, тонула. Меня быстро понесли в комнату. Не знаю в чью. Наверное, его. Очнулась я уже на кровати, лежа на животе, и с меня стягивали платье. Затем ловко перевернули на спину.

Коробов медленно провел ладонью по моему бедру, от трусиков, до изящных ботильонов на высоком каблуке. Уверенным движением снял с меня обувь, и тут же легонько укусил за большой палец левой ноги. Меня как током пронзило. Я вытянулась, как струна, и мягко упала на кровать. Так же осторожно снял с меня чулки, каждый скатывая так, чтоб максимально касаться меня ладонями.

Нет, у меня был секс. Два раза. С одним парнем, чисто из любопытства. Но так, чтоб

меня касались с таким трепетом... Так, чтоб застежку лифа расстегивали так, что я выгнулась в почти идеальный мостик, чтоб трусики зубами. Такого не было. И не было такого, чтобы я ждала этих прикосновений. Чтобы жила ими. Я чувствовала все: как длинные умелые пальцы сжимали грудь, как губы зацеловывали каждый сантиметр моего тела. Как мои руки гладили тугие мышцы мужского тела, как пальцы зарывались в короткие волосы на затылке сероглазого. Его прохладные поцелуи на моем горячем животе. Мои на его ключицах. Такого не было. И уже не будет. А чего еще ждать от двух пьяных молодых людей разного пола, возбуждённых алкоголем и мнимой недоступностью друг друга, и запертых в одной квартире?

.....

Я проснулась резко. Села. И тут же ощутила, как тяжелая рука скользнула с моей груди и легла на бедра. Огляделась. М-да. Одежда валялась везде. Видимо, мы вчера совсем не задумывались, куда она полетит. Посмотрела на часы. Всего пять утра. Пить хотелось невероятно. Заметила бутылку минералки у тумбочки. Осторожно вылезла из под одеяла и из под руки. Коробов застонал, перевернулся на живот и обнял мою подушку. Замер.

Я тихо прокралась и отрыла бутылку с водой. Жадно приникла к ней. Уф, как же хорошо. Тихо закрутила и уже хотела вернуться под теплое одеяло, как увидела лежащий рядом с джинсами Коробова бумажник. Решила поднять, чтоб утром не потерял. А он раскрылся. Перед визитками в прозрачном кармашке была фотография. Моя фотография. Я присмотрелась.

Этот костюм я помню. Я его надевала лишь раз. На первом курсе. На фото я стою, прогибаясь в пояснице и глядя почти в камеру. Тяжёлые рыжие волосы каскадом скатываются с плеч, почти до пояса. И взгляд, полный счастья и боли. На репетиции перед выступлением, я потянула мышцу лодыжки. Больно было невероятно, но я так любила танцевать, что в тот момент это было не важно.

Что эта фотография делает у Коробова? Я бы погрешила на Маринку, если бы не помнила, что она в это время стояла за кулисами и ждала своего выступления. Кто сделал это фото? Почему оно у Коробова в бумажнике, и какого черта оно затерто так, будто его прижимали к груди последние пять лет?

Я обернулась на спящего мужчину. Тот блаженно обнимал подушку. Обычно хмурые брови разгладились. На губах играла легкая улыбка. Два дня ему понадобилось, чтобы я сдалась.

А я? А мне стало обидно, что я не знаю, почему у него мое старое фото, зачем он его таскает с собой, почему вцепился в меня, как клещ. Мне он ничего не рассказывает. Вот и пусть живет, с кем хочет. Или добивается ту, которая ему не дает.

Я быстро встала, выдернула фотографию из бумажника и бросила на кровать рядом с ним.

Я быстро переоделась в джинсы, водолазку, сняла украшения и оставила их на столике в гостиной. Накинула свой китайский пуховичок, забрала сумочку с документами и выскочила из квартиры, надеясь, что охрана еще спит, и моего отсутствия не заметит.

Спустилась по лестнице, в холле накинула капюшон. Вышла на улицу. Эх, жаль, мой матизик забрала курьерская служба. Я быстро побрела в центр города. Заметила, что за мной тихо едет белый «ровер». Зашла в круглосуточный магазин. Продавцы явно дремали на рабочем месте. Нашла дверь на склад. Со склада во двор и кинулась через дворы на

соседнюю улицу, зная, что там живут Ванька с Гришей. Мои ангелы-курьеры.

На звонок в дверь ответили не сразу. Минут пять пришлось, и звонить и стучать. За дверью слышалось недовольное ворчание, а потом дверь распахнулась, и передо мной предстал Ванюша в семейных трусах и очень заспанным видом.

— Ленка? Ты чего здесь? Ты же вроде с Коробовым?

— Вань помоги, а? Я от Коробова и прячусь!

— Ты с ума сбрендила? Если этот захочет, то из под земли тебя достанет.

— Этот не захочет, Вань. — На глазах появились слезы. — Совсем не захочет.

Видимо на моем лице было написано нечто, из-за чего мне сказали:

— Держи ключи. Девяносто пятая квартира. Там Гришина девушка живет. Они вчера на две недели в Тай улетели. Просили присмотреть за хомяком. Так что держи и присматривай. Продукты занесу вечером. Продержишься?

— Спасибо, солнышко мое. — Порывисто обняла ангелочка.

— Ну вот, я солнышко, а плачешь по другому. — Ванька почти сердито отодвинул меня от себя. — Ленка, если он тебя не найдет, переезжай ко мне. Нафиг этих буржуев. Заживем с тобой в свое удовольствие.

— Спасибо, Вань, — прошептала я, — но я, наверное, не смогу.

Я поцеловала друга в колючую щеку и побежала на этаж с девяносто пятой квартирой. Нашла, распахнула дверь. Обычная однокомнатная хрущевка. Скинула с себя сумку в прихожей. Сняла зимние кроссовки и прошла на кухню. Там стоял вольер с хомяком. Я постучала по стеклу.

— Привет. Тебя как зовут? Не знаешь? Я тебя Вадимом назову. Хоть один у ног моих будет ползать, — грустно хмыкнула. — Не могу я без него, понимаешь. — Уселась на пол рядом с клеткой. — И с ним не смогу, если он другую любит. Или маньяк какой... Влюбилась, наверное.

Я просидела у стены с хомяком до вечера, плакала, смеялась, иногда дремала, пока в дверь тихонько не постучали. Поднялась, и поняла, что сидела все это время в пуховике. Быстро его сбросила и пошла открывать дверь. За порогом стоял Ванька с двумя пакетами еды. Быстро отодвинул меня от двери, занес пакеты на кухню и сказал:

— Захарова, ты бы умылась что ли. — Впихнул меня в крохотную ванную. Я посмотрела в мутное зеркало и ужаснулась. Лицо в жутких разводах туши. От прически из-за бурной ночи и не менее бурного утра осталось одно название. Кожа бледная, из-за слез все в красных пятнах. Да уж, такую даже Ванька не захочет.

Я заперла дверь, быстро разделась и встала под душ. Тугие струи по-тихоньку возвращали энергию в тело. Стало немного легче. Я переживу. Я смогу. Я сильная. Пусть больше не люблю, пусть всю жизнь одна буду, но я буду стараться жить нормально.

Закуталась в полотенце, и в висящий рядом мужской халат. Вышла из ванной и направилась на кухню. Ванька стоял у плиты и что-то самоотверженно готовил. Глянула через плечо. Макароны по-флотски. Я обняла его сзади за плечи. Он развернулся ко мне лицом и быстро прижался к губам. А я.... я отодвинулась. Мне после Коробова все отрезало. Мне было мокро, холодно, липко и противно.

— Прости, Вань, — прошептала, — я не смогу. — Подняла глаза, полные слез, — никогда не смогу.

Ванька понимающе кивнул, и молча, отвернулся к плите. Я же ушла в комнату, посмотрела на расправленный диван, сдернула с кресла плед, завернулась в него и прилегла

на край. Дальше не помню, видимо уснула.

Проснулась я уже утром. Часов в восемь. Прошла на кухню, там стояли вчерашние макароны, на столе лежала пачка печенья, в холодильнике масло и молоко. И записка: «Если что-то понадобится, приходи». Ну, до нового года мне точно ничего не понадобится. В комнате стоял старенький ноутбук. Включился. Я перепроверила свою дипломную работу, и решила отнести ее в деканат заранее. Двадцать пятого декабря. Я точно знала, что мой куратор до обеда будет находиться там.

О Коробове старалась не думать. Но где там. Как только разобралась с дипломной работой, мысли тут же вернулись к нему. И уже помешивая макароны, я вспомнила то, что мне не давало покоя. Мы не предохранялись. Совсем. И я в первые двадцать четыре часа не приняла «от всего предохраняющую» таблетку. Вот дура. Сейчас поздно уже. Уже жуя макароны на кухне, представила ребенка от моего сероглазого. И поняла, что хочу от него ребенка. Что бы не случилось. Хочу маленького сероглазого человечка, который будет прижиматься ко мне и называть мамой. Так, диплом я получу через месяц-два. Работу, думаю, тоже найду. Если что, родители в первое время не оставят. Проживем. Выживем.

Пообедав и вымыв посуду, снова пошла в комнату. И тут увидела газету. Видимо Ванька вчера принес. Развернула и тут же села в кресло. На главной странице была фотография меня и Коробова, прижимающегося ко мне в танце. Причем моего лица практически не видно, зато его видно абсолютно все. Как он, прикрыв глаза, и зарывшись в мои волосы, держит меня двумя руками, как самое большое в мире сокровище. И заголовок: «Кто она, тайная невеста господина Коробова». Я опять разревелась, съезжая с дивана на пол. Если я так каждый раз буду реагировать на его фото в газете, я просто не выживу. Мне определенно нужна помощь Альки. Но боюсь, что ее телефон прослушивают. Поэтому нужно дотерпеть до завтра. Сдам дипломную в деканат, и тогда уже нам не страшен сероглазый Коробов.

Я осторожно вынырнула из квартиры. На лестничной клетке никого. Лифт не стала вызывать. Не люблю я их. Выскользнула из подъезда. Снова никого. Направилась в универ. Благо всего два квартала. Быстро добежала до входа, оглянулась. Никого. Похоже у меня паранойя. На то, чтобы сдать дипломную руководителю ушло еще полчаса. В итоге он махнул на меня рукой, выдав предварительное «сдала». И сказал приходить за дипломом через месяц.

Я счастливая выскользнула из кабинета, и тут же наткнулась на Маринку. На мрачную Маринку.

— Захарова, если ты брата моего бросить решила, то чего ему об этом не сказала?

— Марин, ты чего? — Я предсказуемо начала оправдываться. — Это он молчит, как партизан. Любит деваху, какую-то левую, и молчит. Я то здесь причем? — И чего это я мямлю и оправдываюсь?

— Дура ты Ленка! Любит он тебя! Он третий день, как ты ушла, пьет. Меня на порог не пускает, говорит, что я во всем виновата. — Маринка шмыгнула носом. — А мне переживать нельзя, я беременная, третий месяц. Съезди к нему, а!

Я, конечно, понимаю, что мной манипулируют, что только и хотят, чтоб я к нему поехала. Но осознание того, что ему сейчас плохо, просто бьет по нервам.

— Как пьет? Почему не пускает?

Я побежала к выходу из универа, на ходу набирая Альку.

— Да, — голос заспанный. — Привет подруга. Чего на этот раз?

— Аль, если мужик пьет и бесится из-за того что ты ушла, это что значит?

— Это значит, что ты дура, если от него ушла!

— Это-то я поняла, а мне что сейчас делать?

— Руки в ноги и к нему, а то сопьется ненароком, — и отключилась. Подруга блин.

Я выскочила из-за ворот универа и хотела уже бежать по тротуару, как рядом затормозил тот самый «ровер». Не раздумывая нырнула в салон.

— Здравствуйте, Елена Аркадьевна. — Это Пашка, — вас домой?

— Да, Паш. Домой.

Охранник нажал на газ и машинка резво полетела по улице. У дома мы оказались через семь минут. Не дожидаясь, пока мне откроют дверь, побежала в холл дома. И тут же нырнула в лифт. Нажала этаж и закрыла глаза. Как же эта сволочь медленно едет. Вывалилась из лифта, тяжело дыша. Не давая себе передумать, нажала на кнопку звонка. Дверь открыл Костя.

— Елена Аркадьевна?

— Кость, ну хоть ты то прекрати... Где он? — Охранники на меня явно обиделись, что сбежала.

— В вашей комнате.

Я тут же бросилась в указанном направлении. Открыла дверь.

На кровати не было ни подушки, ни одеяла, ни простыни. На тумбочке лежала моя косметичка, моя обувь была расставлена рядом с кроватью. Что здесь все-таки происходит? Тут увидела руку, высунутую из шкафа и сжимающую полупустую бутылку «Джек Дениелс». Вот буржуй. Даже напивается элитным алкоголем. Я резко распахнула дверцы шкафа. Сероглазая сволочь спала на моей подушке, в моей простыне на голое тело, под моим одеялом и сжимая в руках мою одежду. Не платья, а мое китайское барахло, включая пижаму со смурфиками. Причем пижаму прижимали к себе с особой нежностью. Отобрала бутылку.

— Кость, — позвала я. Охранник тут же втиснулся в комнату. — Достань ка Коробова из шкафа, промой его в ванной и проветри комнату. Я буду в гостиной ждать.

Развернулась и вышла. Зашла на кухню. Вылила содержимое бутылки в раковину. Нашла кофе-машину. Включила. Тут из комнаты донесся отборный мат. В качественном мужском исполнении. Видимо, Костя как следует исполнил мою просьбу. Сделала две порции кофе, захватила стакан воды и антипохмелина и пошла в гостиную. Слава богу, шторы здесь были задернуты. Только успела сделать глоток кофе, как в комнату ввалился Коробов в одном полотенце и Костя, мокрый и с ссадиной на челюсти. Видимо попало.

— Кость, можешь идти. Спасибо. — Сказала я и благодарно посмотрела на своего помощника. Константин незаметно подмигнул, и быстро вышел. Где-то захлопнулась входная дверь.

Я взяла стакан с антипохмелином и подошла к Вадиму. Тот неверяще на меня уставился, но стакан взял, залпом выпил, подошел к столу и поставил. Повернулся ко мне.

— Лена, — голос хриплый, как будто или молчал три дня, или кричал и сорвал совсем.

Подошел ко мне. Нежно взял за подбородок и провел большим пальцем по нижней губе. Наклонился, прижался губами к виску, обнял и шумно выдохнул.

— Лена, — хрипло прислонился губами к уху, — Ленусик, солнышко мое, зайка, радость моя. — Объятия стали крепче.

Отстранилась, сдернула с дивана плед:

— Ложись, тебе поспать нужно.

Коробов угрюмо хмыкнул:

— Без тебя все равно не усну. Все три дня отрубался только после литра коньяка.

— Ложись, — я присела на диван и похлопала рядом с собой. Приглашая. — Мне тоже поспать нужно.

Сероглазый медленно, пошатываясь, подошел и сел рядом со мной. Я легла, утягивая его за собой. Немного поерзал, устраиваясь поудобнее, обнял меня, переложил мою голову себе на плечо, уткнулся носом в мою макушку и довольно засопел. Через пять минут я тоже начала засыпать, уткнувшись носом в шею своего благоверного.

Проснулась я от того, что мне было очень жарко. Открыла глаза. В комнате стоял полумрак. Вокруг моего тела руками и ногами обвивался голый Коробов. Полотенце видимо потерялось где-то. Хорошо хоть я в одежде. Хотя, чего хорошего? Было невероятно жарко, я все-таки в джинсах и свитере. Попыталась пошевелиться, но куда там. Меня прижимали к мужскому телу так, как будто боялись потерять даже во сне. Хм, раз уж выбраться не дают, займусь изучением лежащего рядом организма.

Медленно раскачивая руку, освободила ее от захвата, и положила Вадиму на плечо. Скользнула ладонью ниже, на смуглую грудь. Начала водить подушечками пальцев по доступной мне территории. Коробов судорожно вздохнул и открыл глаза.

— Лен, — Коробов попытался меня поцеловать, но моя ладонь уперлась ему в грудь.

— Не сейчас, Вадим. — Я начала возиться, выбираясь из под мужского тела. Коробов, нехотя, позволил. Я встала, нашла телефон и посмотрела на время. Шесть вечера. Повернулась к голому олигарху, нагло развалившемуся на диване, нашла на полу полотенце и бросила ему.

— Сейчас поговорим, или подождать, когда ты оденешься? — О, да. У меня к нему было много вопросов, но эта обнаженка меня как-то отвлекала.

— Оденусь, — голос хриплый, — если пообещаешь не сбегать.

Я кивнула. А что делать то. Мне сейчас и прятаться то негде. Я уверена, что охрана уже выяснила, где я была. Коробов, слегка пошатываясь, пошел в свою комнату.

А я на кухню. Включила свет, провела ревизию холодильника. Негусто, но жить можно. Поставила чайник. Кофеина мой организм больше не выдержит. Нашла две чашки, чайные пакетики залила кипятком. Нашла корзинку с печеньем и поставила на стол. Только села на небольшой диванчик, стоящий в углу, как тут же передо мной положили пачку с фотографиями. Моими фотографиями. Я подняла взгляд на Коробова. Он уже успел натянуть на себя белую футболку и потрепанные синие джинсы. Упал на стул, стоящий напротив меня и поднял виноватые глаза. Я взяла в руки фотографии и дрожащими руками начала перебирать. Все они были сделаны в один день. Почти пять лет назад. Как и та, в его бумажнике. Снова посмотрела на Коробова, боясь, что он сейчас заговорит, и расскажет нечто страшное. Он как-то нервно раскачивался на стуле, вцепившись пальцами в столешницу, и заговорил почти шепотом:

— Мне было девятнадцать, когда мы с отцом первый клуб открыли. Я всегда был стратегом, мне нравилось играть с цифрами, подстраивая их под себя. В двадцать пять у меня уже было все то, чего многие и в сорок то не имеют. — Грустно улыбнулся, — и мне стало скучно. У меня было все: квартиры, машины, девушки, меня принимали в любые компании, набивались в друзья. Я уже не знал, как себя развлечь. В одной из компаний попробовал травку. Чуть позже порошок. К двадцати семи я уже два года сидел на

наркоте. — Он закрыл ладонью глаза и продолжил. — В тот день мне позвонила Маринка, она фотоаппарат дома забыла, попросила в универ на выступление привезти и пофотографировать. Я согласился. Приехал я, уже когда выступление началось. Встал в сторонке, а тут ты. Сначала мне смешно было. Маленькая девочка с копной рыжих волос. А потом ты начала двигаться, и все, я пропал сразу. Никогда не думал, что можно так танцевать, как маленький соблазнительный ангелочек. Я только на середине выступления вспомнил про фотоаппарат и начал фотографировать.

Выступление закончилось, я очнулся уже в полупустом зале, когда меня Маринка за плечо потрясла. Она уже знала тогда про наркотики. Я ей купил квартиру в надежде, что она родителям не расскажет. — Отнял руку от лица. — Да, мне было стыдно, что я зависимый. Маринка залезла в фотоаппарат, и увидела там только твои снимки. Схватила меня за руку, дотащила до машины и увезла к себе в квартиру. Там накинулась на меня, рассказывала, какая ты хорошая, как тебе трудно в городе одной, как ты стараешься, какая ты сильная девочка, вон ногу перед выступлением потянула, и все равно выступала. Как тебе учеба первое время тяжело давалась, что ты учила по ночам. И что тебе такой наркоман, как я, никуда не уперся. После этого сказала, что дает мне неделю подумать, либо я лечусь и начинаю жить, как нормальный человек, либо она все рассказывает родителям и вообще отказывается от меня как от брата. Отобрала у меня все документы, ключи от машины и квартиры, телефон, зачатки и деньги. И закрыла меня в своей квартире. На неделю. Наркомана со стажем. Благо, холодильник был забит едой до отказа.

Но я голода не чувствовал. И ломки почти не чувствовал. Я просто лежал на диване и просматривал двадцать твоих фотографий. И на каждой ты была разной. Живой. — Он хмыкнул, — даже твои фотографии были более живыми, чем я тогда. Разве я мог тогда не влюбиться?

Меня Маринка так и нашла через неделю, спящим в обнимку с фотоаппаратом. Тогда она и стрясла с меня обещание, что сам я к тебе никогда не подойду, и жизнь портить не буду. А я хотел подойти, схватить в охапку и утащить к себе. И чтоб руки не чесались, попросил отца присмотреть за бизнесом и рванул за границу. Там работал, как проклятый, чтоб о наркотиках не думать. И о тебе. Даже девочек на ночь выбирал на тебя похожих. Через два года вернулся. И решил, что хватит сходить с ума. Расширил бизнес, чтобы думать некогда было. Нашел себе Лесю, максимально на тебя не похожую. Наорал на родителей по поводу женитьбы. И все уже вроде устаканилось, как ко мне в квартиру ввалилась ты. — Коробов замолчал.

— Без сознания, — подсказала я.

— Да. И на себя не похожая. Точнее не похожая на те фотографии. Лицо у тебя стало худее, фигура женственнее. Я тебя сразу даже не узнал. Узнал только, когда в коридоре увидел с распущенными волосами. Я даже глазам не поверил, стоял там и моргал.

— И целоваться полез, — перебила я.

— Полез. Так это ж от счастья. А потом ты сбежала. Я тогда полночи не спал, парней напряг выяснить о тебе всю информацию. А что? Маринкин запрет я не нарушил, это не я к тебе пришел. Я тогда много думал. Даже решил, что даже если ты будешь рядом со мной только ради денег, я это переживу. Но как оказалось, деньги тебя не интересуют. И мне впервые в жизни пришлось попытаться зацепить девушку не баблом, а чем то еще. После совместной ночи я думал, что у меня получилось. Проснулся утром, а тебя нет, рядом валяется твоя фотография. Вещи твои на месте, обувь тоже, а тебя нет. Вызвал парней, они

сообщили, что ты ушла рано утром, они проводили тебя до магазина, а потом ты исчезла. Через три часа поисков я начал пить. Парни всех твоих родственников прошерстили. Знакомых объехали. А тебя нигде нет. Где ты была?

— У Ваньки, — Я поняла, что охрана, скорее всего, это уже выяснила. Костяшки на сжатых в кулаки мужских руках побелели. Я встала, готовясь обойти Коробова, и поставить полупустую чашку в мойку.

— Ты его любишь? — Я даже вздрогнула и остановилась. Вопрос был каким-то вымученным и обреченным что ли.

— Нет, он просто друг. Я его никогда по-другому не воспринимала, и между нами никогда ничего не было. — Я подошла к мойке и поставила посуду.

Повернуться не успела, так как меня прижали спиной к мужскому телу. Коробов зарылся носом мне в макушку и шумно выдохнул.

— Лен.

— Мм?

— Не уходи от меня больше. Пожалуйста. — Его нос начал съезжать по моему затылку, шее, спине и остановился в районе поясницы. Вадим забрался руками под свитер. — Я без тебя чуть не сдох. Если сможешь принять тот факт, что я бывший наркоман, и что пять лет тобой одержим, и если хоть немного тебе нравлюсь, не уходи.

А я... А что я? Я люблю это недоразумение, оказавшееся по совместительству крупным бизнесменом и психологически неуравновешенным маньяком. Я развернулась к нему лицом, Коробов стоял теперь на коленях, уткнувшись лбом в мой живот. Зарылась пальцами в короткие жесткие волосы:

— Куда ж я теперь от тебя денусь. — Дождалась, пока он не поднимет лицо ко мне, — мы же не предохранялись.

Коробов засмеялся. Счастливо так, зарылся лицом мне в живот. Оттуда раздалось глухое:

— Лен, пока я на коленях, может, согласишься и женой моей стать? А то два раза по полу ползать не хочется.

Эпилог

Новый год мы встретили с родителями Вадима. А после уехали в его загородный дом. Двухэтажный. Но мне там было легче, чем в квартире, главное шторы на втором этаже не открывать.

Замуж я согласилась, но постаралась сделать это оригинально. Утром первого января, пока Коробов спал, надела красивое белье, нашла на первом этаже наряженную елку до потолка, притащила кресло, поставила под елку. Нацепила на себя огромный бант, со словом «ДА», и уселась ждать. Если честно, еле успела. Через минуту послышались шаги, и в гостиную влетел лохматый Вадим с дикими глазами.

— Я думал, что ты снова исчезла, — пробормотал он, видимо, пытаясь сообразить, чего это я тут расселась в таком виде. А потом до него дошло, на губы скользнула самодовольная усмешка. — Это что, все мне?

Я осторожно кивнула, не зная, что он еще отколет. Кто их знает этих олигархов. Меня тут же сгребли в охапку и прижали к себе.

— Я тебя не отпущу, слышишь? Не смогу! — Пробормотали мне на ухо. Нацепили на руку кольцо и утащили. Нет, не в постель, а завтракать, утверждая, что голодная жена —

вредная жена.

Я очень даже согласилась с этим. Я вообще человек покладистый. Через десять дней согласилась работать личным переводчиком. Через месяц на пышную свадьбу. Через год родить прелестную девочку, копию папа. Ксероксом себя даже почувствовала. Научилась умирять характер мужа, а он нашел подход ко мне. Но на каждый новый год просит меня сделать ему один и тот же подарок. Громким шепотом, вгоняя меня в краску шепчет: «Положи себя под елку!»

Больше книг на сайте - Knigolub.net